

84(2-632.7)
A285

Аржан Агаров

ВУЖУ НЕЖНЫЎ
ОБРАЗ ТВОЎ

«Венок сонетов»

Аржан Агаров

ВУЖУ НЕЖНЫЎ
ОБРАЗ ТВОЎ

«венок сонетов»

БК-84 (2Рос=Алт)-5 "

А 285

541652 ж V O V

Горно-Алтайская
областная библиотека
им. М. И. Козина

Жене моей, Надежде,
посвящаю

I

Весна идет, и ожил черный лес.
И весел дол, вчера глядевший хмуро.
Петрарка я, а ты – моя Лаура.
Спадают ткани снеговых завес.

И дали, словно истина, ясны.
И мысль, и чувства полыхают жарко.
Нет, не Лаура ты, я – не Петрарка,
Но в нас живет мгновение весны.

Мольба моя и светлая печаль
Одной тебе понятны в мире этом.
Я слово-птицу выпускаю вдаль,
Задумчиво плету венок сонетов,

Где вдруг сойдутся Генуя золотая
И вековое серебро Алтая.

И вековое серебро Алтая
Поэзии святым огнем горит.
Когда поэта сердце говорит –
И скалы, словно песня, оживают.

Шел я нелегкой жизненной тропею,
Взращенный в жалкой юрте чабана.
Твоя любовь в награду мне дана,
Сама судьба свела меня с тобою.

О, те мгновенья жизни не забыть.
Какие ветры надо мной летели!
Какое это было счастье – жить!
Какие птицы той весной пели!

Душа поэта, мучась и страдая,
Огнем горит, вовеки не стора.

III

Огнем горит, вовеки не стораю,
Любовь, что в пене отклик свой нашла.
Из дали голубой ко мне ты шла,
Такая бесконечно дорогая.

Как злое время чувствами играет! —
В разгар весны вдруг выпадает снег,
И холоден любимый человек,
И только ворон над землею грает.

Но солнце повелит — и снег растает.
Любимая, ведь ты не холодна, —
Взгляни, цветы под солнцем оживают.
Вовеки не покинет нас весна.

И радостен тюльпана алый блеск
Под ярко-синим куполом небес.

Под ярко-синим куполом небес
Земля родная красками сверкает.
Но снег печали... В сердце он не тает...
О, как боюсь я вдруг остаться без

Твоей любви. Немало испытал
Я в жизни. И восторги, и печали
Меня в пути нелегком посещали,
И вот таким я пред тобой предстал.

Чего ищу? От жизни жду чего?
Моя душа – цветок в снегу глубоком.
Лишь ты способна оживить его,
Сорви и приколи в свой черный локон.

О, сколько бы ни пролетело лет,
А свет любви – неугасимый свет.

А свет любви — неугасимый свет.
И облик твой волнует и тревожит.
Из волн морских ты рождена, быть может?
Мечтам моим явилась ты в ответ?

Где и когда тебя я увидал?
Ты воплощенье радостной зари ли?
Мои ли сны твой образ породили
И с той поры я неустанно ждал?

Рожденье красоты — вот тайна тайн!
Свой ровный нрав Янцзы тебе послала,
А сердце золотое дал Алтай,
Твой чистый взор — высокий дар Байкала.

Кочевника судьба тобой согрета.
Любимая, благодарю за это.

VI

Любимая, благодарю за это
Прекрасное мгновение, когда
Потоком льется вешняя вода
И в каждой малой капле – море света.

Но слышу я, как голос бубна древний
В ушах моих взволнованно гудит.
Все пристальней в глаза мои глядит
Все звездное великое кочевье.

В душе моей сомнения клубятся:
Зачем живу? Что значу для людей?
Сумею ли до сердца достучаться
Любимой и единственной моей?

Любить... Взывать... И страстно ждать ответа
Навек обречена душа поэта.

VII

Навек обречена душа поэта.
Высокому служению любви,
Той песне, что звучит в его крови
Зимой холодной или щедрым летом.

Из глубины веков пришло ко мне
То чувство слова, что целит и ранит.
Мой древний предок, что во мне шаманит,
Какую песню посвятит весне?

Кукушка ли станет годы ворожить,
Журавль ли взмлет в небо голубое...
Все то, чем стоит в мире дорожить,
Все неразрывно связано с тобою.

Прекрасен мир, и должен ты, поэт,
Стремиться красоты постичь секрет.

VIII

Стремиться красоты постичь секрет —
Не вечная ль за призраком погоня?
Как быстро тает снег на южном склоне!
Как быстро мчится вереница лет!

А ты все вьешься над своим гнездом.
Меня, детей, очаг оберегаешь.
Готовишь, моешь, штопаешь, стираешь.
Творишь добро, не думая о том.

Теплом твоей души наполнен дом.
И время над тобой, поверь, не властно.
Ты для меня превыше всех мадонн,
Сегодня, как и в юности, прекрасна.

И сердце первой полнится весной,
Где заключен нетленный образ твой.

IX

Где заключен нетленный образ твой?
Весь мир огромный сердцем я объемлю,
Сирень роняет лепестки на землю,
И соловьи поют над головой.

Какой простор, куда ни повернусь!
Смотрю вокруг, как будто с перевала.
Земля весной еще прекрасней стала,
А красота всегда рождает грусть,

Что все пройдет, пройдем свой путь и мы.
Зачем же кто-то ждет и окликает?
Но эта грусть, как будто свет луны,
С восходом солнца, тихая, растает.

Дар красоты ценнее год от года.
Его хранит ревниво мать-природа.

Его хранит ревниво мать-природа.
Тот дар, что мы с тобою обрели.
В могучем гуле голосов Земли
Я слышу голос моего народа.

На Западе бывал и на Востоке.
Мир повидал, богатства не нажил.
О том, чем неизменно дорожил,
В душе рождались песенные строки.

Я верил: у родимого порога,
Где ясный свет алтайских ледников,
Глядишь ты в ожиданье на дорогу,
Не веря языкам клеветников.

И вот родной березовой листвою
Опять шумит весна над головой.

ХІ

Опять шумит весна над головой,
И ароматом нас цветы объемят.
Мы все уйдем когда-то в эту землю,
И нас укроет саван снеговой.

О чем у жизни буду я молить,
Я, ведавший восторги и печали,
Когда за мной Харон в ладье причалит? —
Лишь об одном — твою весну продлить.

Рождают птичьи голоса зарю,
А взмахи крыльев пробуждают ветер.
Тот жар стихов, которым я горю,
От взгляда глаз единственной на свете.

В душе своей яснее год от года
Я слышу голос древнего рапсода.

XII

Я слышу голос древнего рапсода,
Поющего любовь и красоту.
Рассеет зимней ночи темноту
Могучее дыханье ледохода.

В мечтах неясных бредивший тобою,
Я обошел все земли и моря.
А оказалось, что твоя заря
Сияет над родной обской волною.

За все, что довелось перенести,
Твоя любовь – вот высшая награда.
И на тернистом жизненном пути
Лишь ты моя надежда и отрада.

И вот теперь живу среди людей
Подвластный лишь одной любви твоей.

XIII

Подвластный лишь одной любви твоей,
О ней слагаю радостные песни.
О ветер гор, весны крылатый вестник,
Их над землей родимую развей.

Вплети в листву зеленую густую
И в говор струй прозрачного ручья.
Услышит пусть любимая моя
Знакомую мелодию простую.

Ты для меня все та же, что была.
И сердца жар во мне не остывает.
Ведь даже самой черной ночи мгла
Пред светом глаз любимых отступает.

Моя любовь чем дале, тем сильней.
Венок сонетов посвящаю ей.

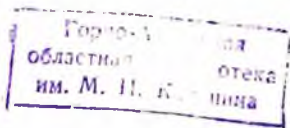

Венок сонетов посвящаю ей,
 Той силе, что рождает в нас поэта.
 Земля родная зеленью одета.
 И дышится легко, и даль светлей.

К вершинам синих гор подъямлю взор —
 Снегов далеких ширится сиянье.
 Торжественна картина мирозданья,
 Прекрасен голосов весенних хор.

И солнечная радость бытия
 Во мне рождает песенные строки.
 Да, только здесь душою счастлив я.
 Да, только здесь любви моей истоки.

О мой Алтай, ты — чудо из чудес.
 Весна идет, и ожил черный лес.

541652

Весна идет, и ожил черный лес.
И вековое серебро Алтая
Огнем горит, вовеки не сгорая,
Под ярко-синим куполом небес.

А свет любви – неугасимый свет.
Любимая, благодарю за это.
Навек обречена душа поэта
Стремиться красоты постичь секрет.

Где заключен нетленный образ твой?
Его хранит ревниво мать-природа.
Опять шумит весна над головой.
Я слышу голос древнего рапсода.

Подвластный лишь одной любви твоей,
Венок сонетов посвящаю ей.

ДУМЫ

I

Я на камнях читаю письма
И вспоминаю старого поэта,
Таинственного мастера сонета:
Петрарка... Есть ли выше имена!

Из чаши славы он вкусил сполна.
Когда Лаура им была воспета.
Есть город Авиньон, где знойно лето,
Где память той любви сохранена.

А я брожу среди долин Алтая,
Где кружатся над кедрами орлы,
Сонетов книгу в памяти листая,

В часы рассветной и вечерней мглы,
И у покрытой знаками скалы
Стою один, задумчиво мечтая.

Стою один, задумчиво мечтая,
Восстановить пытаюсь связь времен,
И песнь любви, что нам оставил Он,
Волнует, сквозь столетья долетая.

Его стихи как птиц живая стая!
И все, что слышу я со всех сторон —
Катуни шум и сосен тихий звон —
Для сердца та же музыка святая.

Вот над рекой бревенчатый аил.
И в годы хунну он таким же был.
Над крышей — дыма струйка завитая.

Мне младший брат подносит араку.
Быть может, так кого-то на веку
Согреет и моя строка простая?

III

Согреет и моя строка простая
С тобой беседу нашу, младший брат.
Дай обниму. Я вижу: ты мне рад,
Как старшего любя и почитая.

Из трубки дым задумчиво глотая,
Припомним, что преданья говорят:
Наш род телесов славен был, богат,
Здесь с бронзового века обитая.

Твою улыбку вижу, Кюль-тегин!
Жестокий век мы знали не один,
Уже казалось: вот совсем исчезнем!

Но вопреки невзгодам и болезням,
Живет в народе мудрость, и она
Не пропадет, пройдет сквозь времена.

Не пропадет, пройдет сквозь времена
Все то, что люди в сердце проносили,
Но ты, поэт, — когда б тебя спросили, —
Тобой какая правда рождена?

С чего тебе являлись в дымке сна
Далекие века, ладья на Ниле
И фараон в своей большой могиле?
Знать, и твоя черта уже видна?

Так что ж успех твой суетный и мнимый?
Твое богатство — бранные слова,
А истина, быть может, лишь трава

На кладбище, на холмике любимой.
— Согласен, — говорю. — Моя вина.
Но как постигнуть истину до дна?

Но как постигнуть истину до дна?
Любви, одной любви она открыта.
Так пусть живет любовь, вознесена
Над суетой, над мелочами быта!

Она непобедима и сильна,
Самим горам нужна ее защита.
Есть духи зла на свете, чья слюна,
Забрызгавшая землю, ядовита.

Останься в мире, выпорхнув из книг,
Моя любовь, незримый мой двойник,
Быть может, ты, в прозрачной дымке тая,

Спасешь мой край от ядерных лучей,
От жадных и бессовестных рвачей...
А вдруг надежда – ложная, пустая?

А вдруг надежда – ложная, пустая?
Как сможем сквозь безвременье пройти?
Ведь кто-то ищет легкие пути,
Приспособленчество предпочитая.

Сумеет ли, пустого не болтая,
Богатство наших душ не растрясти
И с братьями согласие обрести,
Вражду и недоверье отметая?

В аиле тихо. Лишь огонь поет
Да за стеной Катунь о берег бьет,
Обточенные камешки катая.

Кругом синеет сонная земля,
В мерцанье звездном, в крике журавля
Откроется ли тайна золотая?

VII

Откроется ли тайна золотая?
Гляжу на пляску вечную огня —
И вдруг он, подхватив, несет меня,
И сонмы звезд встречают нас, блистая.

Пески пустынь Монголии, Китая,
Тибет, где с незапамятного дня,
Сокровища познания храня,
Реальность и фантазию сплетая,

Мерцают храмы древних городов,
Плывут внизу... Мне не хватает слов.
Орхон-Хотон, забытая держава,

Куда ушла твоя земная слава?
Темна твоя загадка и сложна...
Здесь помощь бога, может быть, нужна.

VIII

Здесь помощь бога, может быть, нужна:
Соединить распавшиеся звенья.
Рождались, погибали поколенья,
Свое родство забыли племена.

Меж нами – океанская волна,
Но, посетив в далеком отдаленье
Индейцев майя древние селенья,
Моя душа была потрясена.

У нас открылось общего так много:
Мы так же Солнце славили, как бога,
И в наших лицах – сходные черты.

И пусть задачи эти непросты,
Ты должен сам понять свои истоки,
Тут бесполезны мудрецов уроки.

Тут бесполезны мудрецов уроки.
Пока лишь сердцу чуткому дано
Вдруг ощутить забытое звено,
Почувствовать, что мы не одиноки.

Но почему мои влажнеют щеки?
Что в чаше: слезы? Горькое вино?
До дна, до капли выпью все равно
И все приму: укоры и упреки.

Наш древний, знаменитый род телес
Физически не вымер, не исчез,
Но, растворенный в мировом потоке,

Забывший, кто я, – жив я или нет?
Пора, пора уже давать ответ,
Уже суровы подходят сроки.

Уже суровые подходят сроки,
Уже со снегом перемешан дождь.
Мне предки грезятся среди горных рощ:
Они в мои заглядывают строки.

Они темноволосы, темнооки.
А этот – рыж! Аттила, древний вождь.
В нем неподдельная земная мощь,
В нем жизни бродят яростные соки.

Он самый Рим заставил трепетать,
Царей и полководцев знаменитых,
И много было их – ему подстать –

Алыпов, прогремевших и забытых.
Они ушли. И мне пора домой.
Уже в горах повеяло зимой.

XI

Уже в горах повеяло зимой.
Так что ж с тобой, отвыкший жить без нянек,
Польстившийся опять на сладкий пряник,
Судьба моя, народ прекрасный мой?

Уж не пойдешь ли по миру с сумой,
На собственной земле своей изгнанник,
Доверчивый и терпеливый данник
Свободы, обернувшейся тюрьмой?

Кто неизбежных бед твоих виновник?
Тот раб, что хуже всякого раба:
Перед мощной склонившийся чиновник.

Нет, не поверю, что твоя судьба —
На брюхе ползать перед сытым брюхом.
Крепись, народ мой! И не падай духом.

XII

Крепись, народ мой, и не падай духом.
Не верь тому, чьи речи – сладкий яд,
А верь, как верил столько лет подряд,
Своим горам, не злым, а добрым духам.

Дворцы построив алчным потаскухам,
Распался Рим, и в этом виноват
Был не Аттила: роскошь и разврат –
Вернейший путь к развалам и разрухам.

Для нас – века, для вечности – лишь миг.
Народ российский уж на что велик,
Но ведь и он – мы знаем не по слухам

Знавал и знает тяжкие года.
С его бедой пройдет твоя беда.
Будь чуток сердцем, а не только слухом.

XIII

Будь чуток сердцем, а не только слухом!
Мне эта жизнь навеки дорога.
Я всем тут свой, в ночи, у очага:
Джигитам, детям, старикам, старухам.

Пусть снег летит, клубясь лебяжьим пухом,
Речные покрывая берега!
Сквозь все, что напевает мне тайга,
Петрарки стих улавливаю ухом.

Наверное, нет выше ничего,
Чем стать Петраркой края своего.
Он был посланцем неба в мире этом,

Увенчанным Поэзией самой.
Склони же слух свой и к моим сонетам.
Услышь в напевах ветра голос мой.

Услышь в напевах ветра голос мой.
Я не мечтаю о венках, о славе,
Но чист мой стих – о том сказать я вправе.
Ты сердце им болящее омой.

Пройдут года – и я покроюсь тьмой.
Друзья мои, на стол бутылки ставя,
Провозгласят – надеюсь, не лукавя –
Последний суд, нетрезвый, но прямой:

„Был, в общем, добр и, вроде, не бездарен,
Пусть не Петрарка, но хороший парень,
Но форма так сонетная трудна...“

И все-таки мне верится: недаром
В родных горах, перед аилом старым
Я на камнях читаю письма.

Я на камнях читаю письма.
Стою один, задумчиво мечтая:
Быть может и моя строка простая
Не пропадет, пройдет сквозь времена?

Но как постигнуть истину до дна?
А вдруг надежда — ложная, пустая?
Откроется ли тайна золотая?
Тут помощь бога, может быть, нужна.

Тут бесполезны мудрецов уроки.
Уже суровые подходят сроки.
Уже в горах повеяло зимой.

Крепись, народ мой! И не падай духом.
Будь чуток сердцем, а не только слухом.
Услышь в напевах ветра голос мой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Жене моей, Надежде, посвящаю	3
Думы	19

Перевод с алтайского И.Фонякова

Редактор Н. Тепукова. Корректор Т.Таньтпас.
Художник И. И.Ортонулов. Технический
редактор А. Ырысту.

Подписано в печать 15.06.97. Формат 70x108\32
Усл. печ. л. 2 Тираж 1000.
Горно-Алтайская типография

© „Солоны“

541652

3000²